

Андрей Дворниченко: Олигархическая демократия или демократическая олигархия?

*Andrey Dvornichenko (Saint Petersburg State University, Russia):
Oligarchic democracy or democratic oligarchy?*

DOI: 10.31857/S2949124X24060022, EDN: RNBSYP

Попытку П.В. Лукина путём сложных сравнительно-исторических штудий вырвать из тьмы забвения и неизвестности крупицы знаний о Средневековье можно только приветствовать. Впрочем, конкретная значимость этих крупиц для меня остаётся под вопросом. На сравнение Новгорода с Венецией историка, судя по его репликам, вдохновил труд А.А. Вовина, сравнивавшего Псков с городами Ломбардской лиги (с критикой этой концепции мне уже приходилось выступать). У Лукина, помимо Венеции, фигурирует ещё и Дубровник, проходящий, впрочем, «по касательной», фантомно.

Способ работы автора, однако, вызывает у меня ряд вопросов, которые я назвал бы не методологическими, а методически-историографическими. Убеждён, что изучение истории может быть только историографическим. Это не означает, конечно, что пишущий ту или иную работу должен знать *всю* историографию, но по каждой теме есть свои историографические тренды и бренды, без которых картина получится деформированной. Лукин, на мой взгляд, произвольно выбирает себе историографических противников и пытается навязать им спор. В их числе – А.В. Петров, Л. Штайндорф, М.А. Несин, А.В. Валеров и др. При этом автор не вспомнил об «отполированной временем» нашей с И.Я. Фрояновым книге¹², где впервые поставлены многие вопросы, получившие развитие в последующей литературе¹³. Не обойдена тема вниманием и в зарубежной историографии, где особо хотелось бы отметить замечательный труд Т. Скотта¹⁴.

Складывается впечатление, будто автор забыл о том, что в мировой истории с её красочным разнообразием всегда различали и будут различать городскую общину и городскую коммуну. Запад знал и общину, и коммуну, а Россия – только общину¹⁵. Некое подобие коммунального устройства на-

¹² Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

¹³ Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории, государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XII столетия. СПб., 1992; Петров А.В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003; Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Вып. 2(10). Материалы научной конференции «Властьные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия», Санкт-Петербург, 21–22 и 25–26 июня 2018 года. СПб., 2018. С. 6–23.

¹⁴ Epstein S.R. The rise and fall of Italian city-states // A comparative study of thirty city-state cultures: an investigation. (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filosofiske Skrifter, 21). Copenhagen, 2000. P. 277–294; A comparative study of six city-state cultures: An investigation conducted by the Copenhagen polis centre. (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filosofiske Skrifter, 27). Copenhagen, 2002; Тили Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009; Scott T. The city-state in Europe, 1000–1600. Hinterland–Territory–Region. N.Y., 2014.

¹⁵ Дворниченко А.Ю. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Межвузовский сборник. Вып. III. Л., 1985. С. 117–124.

блудалось в русских землях Великого княжества Литовского, когда там стало распространяться магдебургское право (XV–XVI вв.)¹⁶. Лукин, правда, попытался оторвать Венецию от Запада, вырвать из круга европейско-античного наследия, но потом словно устыдился такой попытки (с. 13), поскольку очевидным становилось противоречие: Новгород и Венеция предстают как результат долгого политического развития, а Флоренция и Милан появляются как *deus ex machina*. Между тем древнерусские и западноевропейские города-государства возникли в совершенно разных обстоятельствах. Русские – в условиях общества, переживавшего переход от родовых отношений к территориальным связям¹⁷, когда ещё не развито было ни землевладение, ни крупные капиталы. Города Западной Европы могли возникать по-разному, но первоначальный их статус проистекал из привилегии, дарованной сюзереном. Без этой привилегии коммуна, фактически, не возникла. Такие коммуны появлялись не только в городах, но и в сельской местности. Именно их появление создавало контекст для становления городов-государств¹⁸. По точному замечанию С. Эпстайна, «города-государства (в Западной Европе. – А.Д.) были просто институциональным вариантом городовых привилегий»¹⁹. Подобную дихотомию – город–сеньор, которые борются между собой, безуспешно пытались в своё время обнаружить на Руси М.Н. Тихомиров. В городах Италии шла ожесточённая борьба между аристократическими кланами, символом которых были башни – каждая из них выражала величие загородных замков её владельца, и между 1088 и 1092 г. жители Пизы во главе с епископом вынуждены были лимитировать их высоту. К 1200 г. во Флоренции находилось 150 таких башен²⁰. Лукин не раз повторяет, что в Новгороде боролись разные кланы, но ни разу ни одного клана не демонстрирует.

Чтобы уйти от классики и ввести своё *know how*, историку пришлось придумать понятие «политический народ». В источниках это просто «весь Новгород», «это люди, причём такие, которые принимают участие в вече и обладают правом и возможностью изгнать князя, т.е. это полноправные новгородцы, новгородский политический коллектив в целом» (с. 55). В чём тут открытие по сравнению с тем, о чём писали его предшественники? Существует классическая концепция Ю.Г. Алексеева, ясно и чётко объясняющая особенности новгородской социальной эволюции²¹, применимая также и для Пскова. И странно тут что-то объяснять влиянием Новгорода, находя искусственные различия в развитии этих двух политий. Псков, собственно, прошёл тот же классический путь развития, что и другие города-государства²². Он идентичен тому, что видим в русских землях Великого

¹⁶ Дворниченко А.Ю. О предпосылках введения магдебургского права в городах западнорусских земель в XIV–XV вв. // Вестник Ленинградского университета. Сер. История. Язык. Литература. 1982. № 2. С. 105–108.

¹⁷ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства...

¹⁸ Scott T. Op. cit. P. 9–10.

¹⁹ Epstein S.R. The Rise and Fall of Italian City-States... P. 277.

²⁰ Scott T. Op. cit. P. 19.

²¹ Алексеев Ю.Г. «Чёрные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. Т. 103. М., 1979. С. 242–274.

²² Дворниченко А.Ю. Возникновение Псковской политии (XII – первая половина XIV в.): внешние факторы и внутренние процессы // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Т. 34. 2024. Вып. 3. С. 611–626.

княжества Литовского, что я и постарался (вслед за Алексеевым) показать в своей работе²³.

Лукин эти наблюдения игнорирует, признаваясь, что понятие «политический народ» он почерпнул из польской историографии истории Литвы, ссылаясь при этом на работу литовского автора Ю. Кяупене (с. 30). Последнее, правда, объяснимо: польские историки в литовской шляхте «политического народа» не находили вплоть до поздних времён, применяя это понятие в основном к польской шляхте²⁴.

Автор книги стремится доказать, что Новгород никогда не был племенным центром, а вече – племенным собранием. Полагаю, что нашу с В.Л. Яниным концепцию о племенном центре Лукину опровергнуть не удалось, а о том, что вече не очень вольготно чувствовало себя при родоплеменных отношениях, писал ещё академик Б.Д. Греков, и нам оставалось в конце прошлого века эти идеи развивать. И тут с Лукиным можно согласиться: вече получило второе дыхание в условиях трансформации родовых отношений в территориальные. Только зачем придумывать какой-то «политический народ»?

Одна ошибка влечёт за собой другую. Учёный хочет видеть в древнерусском вече некий институт, каковым вече никогда не было, да и быть не могло. Тут его извиняет то, что это очень распространённая в историографии ошибка: кому-то всегда хотелось вставить вече в эволюционный ряд, где следующим этапом шёл земский собор в Московском государстве или Великий вольный сойм в Великом княжестве Литовском²⁵. Между тем оба эти института возникли уже на обломках вече и никак не являлись его продолжением. С институтами Лукин время от времени просто загоняет себя в угол. Например, институт имелся, но ничего с ним связанного, в частности, институциональных ограничений, не обнаруживалось; совет вроде бы появляется, но, в отличие от Венеции, он не институциональный (с. 131–132).

Любопытно, что одновременно автор всерьёз задумывается над тем, что такое «настоящая республика». Современное понятие «республика» для Древней Руси не работает, а считать республикой лишь коммунальный строй – слишком жёстко, исходя из этого придётся признать, что в наших пенатах никакой республики не было, нет и не будет (с. 20). Почему-то никто не хочет вспоминать краткую, но чрезвычайно ёмкую характеристику такого политического устройства, данную владимирским летописцем и в полной мере оценённую И.Я. Фрояновым: «Новгородцы бо изначала и Смолняне, и Кияне, и Полочане, и вся власти яко на думу на вече сходятся. На что же старейши сдумают, на том же пригороды стануть»²⁶. Историк отметил отсутствие в этой формуле князя. Вслед за классической русской историографией он писал о сложных отношениях вече и князя.

Ясное дело, что всем правит князь. У него для этого вполне адекватный аппарат, о котором в своё время блестяще писал А.Е. Пресняков, изучавший «княжое право». Важно отметить, что князь не мог превратиться в монарха:

²³ Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвина в XI–XV вв. М., 2013 (переиздание работы 1983 г.).

²⁴ Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Poznań, 1844. S. 177, 187–189.

²⁵ Дворниченко А.Ю. Ускользающая реальность. Литовско-Русское государство в зеркале исторического сознания. СПб., 2024.

²⁶ Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. С. 364.

ему не дал бы это сделать ни поголовно вооружённый народ, ни дружина, с которой он «думу думал». Вече править не может по определению, оно тоже «думу думает». И так продолжается до того момента, когда в княжеском управлении происходит сбой. Вот тут в дело вступает вече. Это, кстати, вполне определяет и характер явления, которое Лукин для нашей древности придумал и назвал «интраномизацией». Ничего такого не было. Хороший князь удостаивался похвалы, а дурному просто могли «показать путь чист»²⁷.

Почему автор книги заявляет, что ничего подобного народовластию ни в Венеции, ни в Новгороде мы не наблюдаем (с. 29–30)? А что же это такое, если за народом остаётся последнее слово? Это как раз и есть народовладение, которое осуществляется благодаря вечу. Вече здесь своего рода маркер, и не случайно народ, именно эти чёрные мужики, как отмечает сам Лукин, были главными патриотами веча, которому до самого конца принадлежала власть (с. 175, 177), тогда как большая часть «лучших людей» поддерживала Москву. Это очень правильно, но ранее автор повторил распространённую ошибку, что якобы очень рано, если не с самого начала, новгородцы ориентировались на «московскую систему», стараясь опереться на неё в своей политике. Другими словами, он, как и многие историки, сам себе противоречит. Я лично ничего подобного в источниках не наблюдаю. Новгородцы, воспитанные на идеалах свободы и справедливости, не были близорукими и прекрасно знали, чего можно ждать от московских князей, за которыми стояла Орда (впрочем, они не обольщались и князьями литовскими, которые всё больше склонялись в сторону Польши). С попыткой противостоять московским влияниям оказалась связана и та достаточно богатая идеология, которую веками созидали новгородцы. Лукин недоумевает, зачем новгородцы выводили себя от варягов (с. 202). Не затем ли, чтобы отличать себя от москвичей?

В центре этой идеологии была святая София, и не так для нас сейчас важны те её ипостаси, которые подробно разбирает учёный. Важно, что это было характерно для всех древнерусских «республик»: каждый русский готов был умереть за свою волостную святыню и при этом сжечь святыню города-государства, с которым шла борьба. С точки зрения христианства, ситуация не вполне нормальная, но она хорошо отражает характер древнерусского республиканизма. Деспотическая Москва категорически не могла принять древнерусские свободы. Именно в этом дело, а не в стремлении создать некую «чёрную легенду» о новгородцах. Для Москвы преступниками являлись все носители такого рода свободы. И в этом смысле с прахом Гостомысла надо быть осторожнее. Такая фигура, даже если в неё верить (сам Лукин в него сначала не верит (с. 49), но затем корректирует свою точку зрения), оказывается далеко не такой уж подходящей для роли отца-основателя.

Отдавая должное эрудиции П. В. Лукина, остаюсь при своём мнении. При некотором сходстве западноевропейские и русские города-государства были разными социальными организмами. Западным коммунам и не снилась та степень народоправства и свободы, которую познали наши предки в городах-общинах, которые, впрочем, впоследствии ожидало всеобщее закрепощение...

²⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.